

ЕЛИЗАВЕТА КОНДРАШОВА

Дети Солнцевых

RUGRAM

МОСКВА
2022

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К64

Кондрашова Е.

К64 Дети Солнцевых / Е. Кондрашова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 242 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77635-1

После трагической смерти отца две сестры поступают в женский институт на казенный счет. Старшей из них обучение в этом заведении поможет воспитать стойкость и характер. Младшая же станет отчаянной шалуньей и сорвиголовой...

Жизнь воспитанниц мастерски описана Е. Н. Кондрашовой — бывшей выпускницей Павловского института.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77635-1

© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Глава I

Счастливая семья

— Вот расходилась-то! — сказал громко человек средних лет, небольшого роста, очень миниатюрно сложенный, поднимая голову от работы, которой он был усердно занят в течение нескольких часов кряду. — У, погодка!

Он встал, потирая руки, и, вздрагивая от холода, подошел к окну.

— Что за темень, зги не видать! И как страшно дует от окон! — сказал он, обращаясь в противоположный угол комнаты.

— Да, а Федя до сих пор еще не вернулся. Не понимаю, что могло его задержать, — слышался в ответ мягкий голос, в котором слышалось беспокойство.

— У-у-у! — завывал с переливами порывисто ворвавшийся в трубу ветер.

Разговор происходил в комнате одной из квартир нижнего этажа большого каменного дома, стоявшего на набережной Невы, а квартиру эту занимал Дмитрий Федорович Солнцев, надворный советник, служивший секретарем в одном из ученых учреждений столицы. Дмитрий Федорович был добрейший человек, прекрасный семьянин и христианин. Он был любим и уважаем всеми, кто его знал. К нему обраща-

лись и за помощью, и за советом; его брали посредником в семейных ссорах; с ним советовались, как отделать квартиру, куда отдать детей на воспитание, куда подать просьбу о пенсии. Дмитрия Федоровича, этого маленького, доброго, ласкового человечка, любили и знакомые, и сослуживцы, и низшие служители.

Дмитрий Федорович был единственный сын когда-то богатого помещика губернии. Его мать, происходившая из древнего дворянского рода, умерла в то время, когда ему было всего четыре года от рождения. Лет через восемь после ее смерти отец его женился вторично, на одной из своих крепостных, а мальчика вскоре взял к себе один из дядей по матери и воспитывал его сначала вместе со своими детьми, потом отдал в дворянскую гимназию при университете в Москве.

Восемнадцати лет молодой человек лишился отца, успевшего вконец разорить имение и еще при жизни, разными обходами, передать жалкие остатки полученного от дедов наследия детям второй жены. Дмитрий Федорович поступил в Московский университет, окончил курс и тотчас, по протекции дяди, получил место с небольшим окладом в Петербурге.

Жить было трудно, он стал давать уроки, устроился по-немногу и двадцати шести лет женился на двадцатилетней умной, красивой, образованной девушке, дочери гувернантки двоюродных сестер, Анне Францевне Трэйфельд, которую знал с десятилетнего ее возраста и которой «покаялся в верности», поступая в университет. Женитьба эта, как поступок недостойный дворянина, была причиной разрыва всех родственных отношений между семейством дяди и племянником.

Молодая чета Солнцевых жила очень скромно и очень счастливо. Оба трудились с утра до вечера и не тяготились трудом. Дмитрий Федорович, проводивший день с десяти часов до четырех, а иногда и до пяти на службе и засиживавшийся до глубокой ночи над срочной частной работой, всегда

находил в спокойной, веселой, энергичной Анне Францевне и нравственную поддержку, и помощницу в труде. Детей у них было четверо, два сына и две дочери. Квартиру Солнцевы занимали небольшую, но все три комнаты были светлые, большие, окнами на солнечную сторону и на Неву. Анна Францевна толково занималась незатейливым городским хозяйством, то есть сама ходила на рынок, закупала провизию раза два в неделю, с помощью единственной крепостной пожилой женщины готовила кушать, учила девочек, переписывала работу мужа, делала для него переводы и выборки из сочинений, и так оба трудились, счастливые и спокойные, девятнадцатый год вместе.

Дмитрий Федорович приблизил лицо к стеклу и пристально вглядывался в темноту. Ветер выл и злился, потрясая оконные рамы. Тусклые желто-красные огоньки в редко расставленных по обеим сторонам набережной фонарях метались во все стороны, не освещая тьмы, только лишь намечая дорогу; Нева вздымалась крупными волнами и с шумом билась о крепкие гранитные стены.

— Уж не пойти ли мне за ним? — произнес нерешительным голосом, как будто обдумывая что-то, Дмитрий Федорович и подошел к столу, за которым Анна Францевна и две девочки, одна лет одиннадцати, другая семи, что-то прилежно шили.

— Что ты, Господь с тобой! — сказала Анна Францевна, подняв от работы голову.

Сильный порыв ветра с яростью налетел на окна, рамы закрипели, ветер, гудя и свистя, понесся далее, стекла задребезжали, и крупные капли дождя громко и часто забарабанили по стеклам.

— Ему так нездоровилось с утра, что, может быть, Алексей Григорьевич не пустил его домой по этой погоде.

— Нет, — сказала Анна Францевна, — Федя знает, что мы будем беспокоиться, да и вряд ли он оставит его...

Дмитрий Федорович постоял с минуту молча, потом взял с продолговатого лакированного лоточка, стоявшего на столе, щипцы, сощипнул нагар с обеих горевших на столе сальных свечек и со щипцами в руках прошел к своему столу, где тоже снял со свечей нагар.

— Варя, возьми-ка щипцы, — сказал он громко.

Младшая девочка, очень довольная, что может расправить ноги, подбежала к отцу, обняла его, по дороге дернула сестру за рукав, поцеловала мать и села на свое место.

В комнате на некоторое время стало светлее.

— Да, наконец вы можете и разойтись, — продолжала Анна Францевна после некоторого молчания, — даром только стучаться будешь. Бог милостив! — добавила она и принялась сшивать две вместе сложенные полосы темной шерстяной материи так скоро, что издали казалось, будто ее рука кружилась без цели по воздуху.

Дмитрий Федорович сел на свое место, взял гусиное перо, поправил перочинным ножичком его концы, попробовал на ногте, потом обмакнул перо в чернила, написал свою фамилию на клочке бумаги, сделал росчерк, остался доволен пером, хотел было писать, но вдруг задумался, откинул голову на спинку кресла и в этом положении оставался несколько минут.

В комнате опять воцарилась на минуту нарушенная тишина; свечи опять горели тусклее; Анна Францевна продолжала кружить рукой по воздуху; дети медленно молча что-то шили, низко нагнув головы над работой. Тишина нарушалась только отрываемой ниткой, катушкой, поставленной на стол, да мерным «тик-так, тик-так» длинного маятника часов, висевших в футляре на стене у двери.

Вдруг раздалось громкое шипение, что-то щелкнуло, и слышались один за другим протяжные, хриплые удары.

— Раз, два, три, — считала младшая девочка вполголоса, подняв голову и глядя своими веселыми карими глазами в направлении, откуда слышались звуки.

Анна Францевна, снимая со стола длинную полосу материи, нечаянно задела ножницы; они с шумом звонко ударились об пол. В эту самую минуту дверь в комнату отворилась, и на пороге показалась человеческая фигура.

— Ах! — вскрикнул Дмитрий Федорович, живо вскочив на ноги, но тотчас же сел в кресло и произнес задышающимся голосом: — Уф! Как ты меня испугал, Федя!

— Федя! Слава Богу! — слышался громкий радостный голос с другого конца комнаты.

Анна Францевна торопливо положила работу на стол и пошла навстречу сыну, который здоровался с отцом.

— Что ты так поздно? Мы уж начинали беспокоиться! И как это мы не слышали, что ты пришел?

— Я все переживал, думал, авось ветер стихнет, — сказал веселым голосом высокий, худой, с тонкими, правильными чертами лица мальчик лет шестнадцати. — Погода адская, идти так тяжело, точно воз везешь; раз десять останавливался, поворачивался спиной к ветру и стоял долго, не двигаясь. Кажется, пронеслось, думаю; не тут-то было, ногами перебираю, а не двигаюсь ни на шаг; ветер рвет и насквозь пронизывает. И холод же! А тут еще, на беду, не успел я перейти мост, как пошел дождь, и я промок буквально до костей. Оттого и не пришел с парадной, а пробрался по черной лестнице на кухню, переоделся и развесил свои доспехи для просушки. Я уже давно дома, — прибавил он.

— А я, верно, задремал, сидя, и проснулся от какого-то звона и громких ударов в набат. Открыл глаза и вдруг в двери на пороге вижу... спросонья не разглядел тебя, — сказал Дмитрий Федорович, обращаясь к сыну. — Странно, — продолжал он в раздумье, — как иногда ни с того ни с сего вдруг с поразительной ясностью вспомнится что-нибудь давнее, прошлое. Я никогда не вспоминал, да и совсем думать о такой старине забыл; но тут вот мигом, в минуту пробуждения передо мной как будто встала живая картина давно минувшего...

Дмитрий Федорович встал и, ежась от холода и запахивая халат, перешел на диван. Анна Францевна и дети молча ждали продолжения. Он сел глубоко в угол дивана, девочки, а с ними и старший брат наперегонки подбежали к стоявшему у дивана большому старинному креслу, и все трое, каждый стараясь занять как можно менее места, втиснулись в кресло, как могли. Анна Францевна встала.

— Отдохни, Анна; сядь вот здесь, — сказал Дмитрий Федорович и, взяв прислоненную к спинке дивана подушку с вышитым по канве букетом цветов, заботливо положил ее под локоть жены. — Устала? — спросил он с участием.

Анна Францевна на вопрос его ответила вопросом:

— Что же такое Федя напомнил тебе?

— Не Федя, а все... Я не сумею даже сказать, что именно... Время, ветер, холод, бой часов, внезапное появление Феди... Все вместе, может быть... но меня вдруг охватило воспоминание о той поре, когда мне было одиннадцать лет, и я жил с отцом в Покровском, в нашем имении. Ты бы, Федя, нагар сощипнул, а то совсем темно, — сказал Дмитрий Федорович.

Федя встал, снял со свечей и, вернувшись на свое место, спросил:

— А куда же делось имение дедушки?

— Имение дедушки? Имение ушло еще при его жизни, а куда? — он развел руками. — Он женился во второй раз, — добавил Дмитрий Федорович неохотно. — Меня на тринадцатом году взял к себе в Москву брат покойной матери, и я отца более не видел. Лет через пять, когда нам дали знать о его кончине, я поехал с поверенным дяди в имение... Оказалось, что все, что можно было продать, продано отцом при жизни, что сам он жил последние месяцы и скончался в наемном доме, и что после него остались неоплатные долги... Его обобрали дочиста, так все и ухнуло. При мне остались дядька Игнат и его жена Марина, отправленные отцом со мной в Москву. Игнат умер на моих руках, а Марина и теперь с нами.

— А как же вы-то? — спросила одиннадцатилетняя хорошенькая девочка с умным выражением лица, поймав руку отца и приложив ее к своей щеке.

— Что, как я?

— Как же вы-то остались, если дедушка все имение... — она остановилась, соображая, как бы выразиться, — все имение прожил и еще оставил долги?

— Я вернулся к дяде, поступил в университет, потом по милости дяди получил место в Петербурге, женился, и вот, как видишь.

— Да? Бедный, несчастный папочка! — сказала девочка, встав с кресла и ласкаясь к отцу.

— Бедный — правда, в смысле неимущий, нищий, но не несчастный, благодарю Господа. Видишь ли, — сказал он, поставив девочку перед собой и держа за обе руки, — если б я остался богатым владельцем, я бы не жил у дяди и, по всей вероятности, не встретился бы с твоей мамой и не женился бы на ней. И у меня не было бы таких хороших детей, — добавил он, широко раскрыв руки и разом обхватив все три хорошенькие головки и прижав их к своей груди.

— А если б и это все было, и имение... большой старинный дом, сад, поля... Как бы это было чудесно! — сказала девочка с восторгом.

— Да, — произнес Дмитрий Федорович в раздумье, — да. Впрочем, как знать...

Погода бушевала всю ночь. Вода в Неве бурлила; клочкотала и поднималась высокими пенистыми волнами Фонтанка; Мойка и каналы вздувались с каждым часом все более и более, силясь перескочить сдерживавшую их гранитную преграду. Тяжелые свинцовые тучи, гонимые ветром, непрерывно неслись друг за другом низко над городом. Улицы опустели, лишь изредка кое-где слышался неясный, заглушаемый воем и свистом ветра шум колес спешившего куда-то экипажа, да разносился ветром протяжный оклик часового.

Наступило утро, темное, мрачное, холодное. Церковные колокола стали сзывать народ на молитву. На их глухой призыв мало кто откликнулся.

— Помилуй Бог, какая вьюга! На ногах не устоишь! — говорил жене один заботливый супруг.

— Что ты, мать моя, куда собираешься, не ходи сегодня! Бог не взыщет, дома помолись. Путный хозяин и собаку на улицу не выпустит, — убеждал другой.

Выходившие из дому за хлебом или за провизией шли торопливо, с трудом удерживая распахивавшиеся полы салопов и бекешей и, возвратившись домой, уверяли, что такого бешеного ветра никогда еще не бывало.

Дмитрий Федорович, аккуратный во всем и в особенности аккуратный до педантизма относительно службы, несмотря на погоду вышел из дому как и всегда, ровно в девять часов. Федя пошел было на урок, но, пройдя шагов пять-десять рядом с отцом, остановился.

— Что, брат? — обернулся к нему Дмитрий Федорович, поднимая воротник и надвигая крепче шляпу. — Вернись-ка ты лучше домой... Экий ад! — произнес он с досадой, делая невольный пируэт и схватываясь за шляпу. — Да не выходи никуда, слышишь? И скажи, чтобы девочек не выпускали! — крикнул он вслед сыну.

— Посмотрите, барин, какие чудеса! — встретил Федю у ворот дома молодой парень в валенках, нагольном тулупе, подпоясанном полосатым, красным с зеленой каймой поясом, закрученным вокруг талии, и в шапке, плотно надвинутой на уши. — Чудно, право!

С этими словами он прошел в калитку запертых ворот, пригласил Федю следовать за ним и, придя во двор, остановился. Посреди двора вода била фонтаном и разливалась по двору.

Федя торопливо вернулся домой и, вбежав в комнату сестер, позвал их полюбоваться на необыкновенное явление. Фонтан был прекрасно виден из окна передней, выходившей

